

Исаак Левитан. Золотая осень. 1895 год

Константин Романов

***

Багряный клён, лиловый вяз,
Золотолистая берёза... Как больно
в сердце отдалась Мне красок
осени угроза! Природы радужный
наряд И блеск, и роскошь увяданья
С покорной грустью говорят, Что уж
близка пора прощанья, Прощанья
с летом и теплом, И липы
блёклыми листьями, Что, золотым
опав дождём, Шуршат в аллее под
ногами, И с вашей яркою красой,
Берёза, клён и вяз лиловый, До
дней, когда вы жизни новой
Дождётесь новою весной.

*Павловск
23 сентября 1898*

*Константин Коровин. Осень. На мосту.
1910-е*

Петр Вяземский

ОСЕНЬ

Кокетничает осень с нами: Красавица на западе своем
Последней ласкою, последними дарами
Приманивает нас нежнее с каждым днем.

И вот я, волокита старый, Люблю ухаживать за ней
И жадно допивать, за каплей каплю, чары
Прельстительной волшебницы моей.

Всё в ней мне нравится: и пестрота наряда,
И бархат, и парча, и золота струя,
И яхонт, и янтарь, и гроздья винограда,
Которыми она обвешала себя.

И тем дороже мне, чем ближе их утрата,
Еще душистее цветы ее венка, И в
светлом зареве прекрасного заката Сил
угасающих и нега и тоска.

Октябрь 1874,
Гомбург

*Питер Брейгель-старший. Возвращение стада (Осень).
1565 год
(Из цикла «Времена года»)*

Борис Пастернак

***

С тех дней стал над недрами парка сдвигаться Суровый, листву леденивший октябрь. Зарями ковался конец навигации, Спирало гортань и ломило в локтях.

Не стало туманов. Забыли про пасмурность. Часами смеркалось. Сквозь все вечера Открылся, в жару, в лихорадке и насморке, Больной горизонт - и двory озирал.

И стынула кровь. Но, казалось, не стынут Пруды, и - казалось - с последних погод Не движутся дни, и, казалось - вынут Из мира прозрачный, как звук, небосвод.

И стало видеть так далеко, так трудно Дышать, и так больно глядеть, и такой Покой разлился, и настолько безлюдный, Настолько беспмятно звонкий покой!

1916 год

*Клод Моне. Осень на Сене в Аржантёе.
1873 год*

Константин Романов

К осени (1907)

Роковая, неизбежная,
Подползла, подкралась ты,
О, губительница нежная
Милой летней красоты!

Обольстительными ласками
Соблазнив и лес, и сад,
Ты пленительными красками
Расцветила их наряд.

Багрянницей светозарною
Ты по-царски их убрав,
Сдернешь прихотью коварною
Ризу пышную дубрав.

Но пока красы обманчивой
Не сорвала ты с лесов,
Сколько прелести заманчивой
В этой радуге цветов!

Скоро с кротостью печальною
В увяданья тихий час
Сад улыбкой нас прощальною
Подарит в последний раз.

И с порою грустью веющей
Я безропотно мирюсь
И природе вечерющей
Побежденный отдаюсь.

Архип Куинджи. Осень. 1876-1890 гг

Осень — самая у нас именинная пора: на Ивана Богослова — мои, на мучеников Сергия и Вакха, 7 октября,— отца; через два дня, мч. Евлампии, матушка именинница, на Михайлов День Горкин пирует именины, а зиму Василь-Василич зачинает,— Васильев День,— и всякие уж пойдут неважные.

После Покрова самая осень наступает: дожди студеньые, гололед. На дворе грязь чуть не по колено, и ничего с ней нельзя поделатъ, спокон веку все месится. Пробовали свозить, а ее все не убывает: за день сколько подвод пройдет, каждая, плохо-плохо, а с полпудика натащит, да возчики на сапогах наносят, ничего с ней нельзя поделатъ.

Отрывок из романа И.С. Шмелева «Лето Господне» (Именины. Преддверие).

Василий Поленов. Золотая осень. 1893 год

В пять поехали с Верой в Скородное и вокруг него. По дорожке среди осинки. Еще не желтые осинки, но дорога вся усыпана их листвой круглой -- сафьян малиновый, лимонный, палевый, почти канареечный есть. Когда выехали, чтобы повернуть направо, кто-то среди деревьев на опушке что-то делал лежа; красного солнца осталось уже половина. Месяц довольно высоко, -- *зеленовато-белый*, небо под ним гелиотроповое почти. Хороша та дорога, где всегда грязь! Глубокие колеи -- все возят тяжелое, все воруют лес. Возле места, где была Караулка, стояли, вертел курить, дивились на красоту: месяц впереди, в левом направлении, над лесом, кое-где желтые высокие, стройные деревца (кажется, клены), закат направо совсем бесцветный, светлый. Под месяцем опять гелиотропы, ниже и левее синева цвета сахарной бумаги. Вера смотрела направо -- дивилась, как зубчатая линия леса -- на закате. Дальше по просеке-дороге трудно ехать -- так много сучьев. Уже темнело (в глубине-то леса). Выехали на опушку, чтобы повернуть направо (караулка), постояли, опять подивились -- хорош был кровавый клен. Я взял листок. Он сейчас передо мной, точно его, бывший светло-палевым, обмакнули в воду с кровью.

Как осенью в лесу, в чаще, вдруг видишь: светит желтизной, выдвинулась ветка орешника. Даже жутко. Когда проехали Победимовых, повернули направо, стали спускаться с горы, закат уже краснел, а луна (направо, над ложиной, полной леса) была на сером, освещенном ею небе. Вообще небо было почти все серое, чуть в глубине синеватое.

Как странно все освещает осенняя заря! -- сказал Вере, поднимаясь в гору.

Спасибо за
внимание!